

Горизонты познания: из метафоры в исследовательский инструмент

Ильин Михаил Васильевич

доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт Европы
РАН, Москва, Россия; главный научный сотрудник, ИНИОН РАН, Москва, Россия
mikhaililyin48@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9969-1259>

АННОТАЦИЯ

Отклик на эссе Окунева продолжает обсуждение нашей давней шутки об актуальности научного исследования и его результатов. Противопоставляются два смысла этого русского термина и его английские эквиваленты. Смысл «пригодность, адекватность» соответствует слову *relevance*. Смыслу «конъюнктурная корректность» подойдет слово *topicality*. Вслед за Шопенгауэром отмечается краткий миг торжества (*ein kurzes Siegesfest*) истины, а также ее способность «действовать далеко и жить долго» (*die Wahrheit wirkt ferne und lebt lange*). Используются сформулированные Тейяром де Шарденом категории познания или видения: центры перспектив субъектов и объектов исследований, их переплетение и взаимное преобразование в ходе исследования, совмещение

исследовательской точки зрения и центра перспективы с естественно выигрышной точкой (*un point naturellement avantageux*) изучаемого феномена, совпадение субъективной точки зрения с объективными конфигурациями феноменов, наибольшая полнота понимания достигается в предельной выигрышной точке — на острие взлетающей стрелы эволюции (*flèche montante de l'Évolution*). Дается интерпретация кантовскому императиву «смей мыслить самостоятельно» (*sapere aude se sponte*) и препятствиям этому в виде «самому себе винёйной незрелости» (*seiner selbst verschuldeten Unmündigkeit*). Кантовская критика возможностей и ограничений разума позволяет использовать эти ограничения для создания новых возможностей человеческого познания и всех прочих практик.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

релевантность как своевременная пригодность, актуальность как конъюнктурная корректность, пространство-время феноменов и их изучения, точки-моменты исследований, горизонты видения и познания, центры перспектив, внешние и внутренние перспективы, субъекты и объекты исследований, антропный принцип

Expanding and Contracting Horizons of Learning

Mikhail Ilyin

Principal Researcher, Institute of Europe of RAS, Moscow, Russia; Principal Researcher, IINION of RAS, Moscow, Russia

mikhaililyin48@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9969-1259>

ABSTRACT

The response to Okunev's essay revives a long time back joyful chit-chat on normative *актуальность* (*actuality*) of scientific research and its results. Two meanings of this Russian term and its English equivalents are contrasted. The sense of "suitability, adequacy" corresponds to the word *relevance*. The meaning "opportunistic correctness" is matched by the word *topicality*. Following Schopenhauer, the focus centers on the short-lived moment of truth's triumph (ein kurzes Siegesfest), as well as its ability to "act far and live long" (die Wahrheit wirkt ferne und lebt lange). The categories of learning formulated by Teilhard de Chardin are explored: centers of perspectives of subjects and objects of research, their intertwining and mutual transformation in the course of research, combination of the research

point of view and the center of perspective with the naturally advantageous point of the phenomenon under study, coincidence of the subjective point of view with the objective configuration of phenomena, the greatest completeness of understanding is achieved at the ultimate advantageous point — at the sharpest point of the mounting arrow of evolution (*flèche montante de l'Évolution*). An interpretation is given of the Kantian imperative "dare to think on your own" (aude sapere se sponte) and the obstacles to this in the form of "one's self-convicted immaturity" (seiner selbst verschuldeten Unmündigkeit). Kant's critique of the possibilities and limitations of reason allows us to use these limitations to create new possibilities for human cognition and all other practices.

KEYWORDS

relevance as timely validity, topicality as current interest and conjunctural correctness, space-time of phenomena and their study, points-moments of research, horizons of cognition, centers of perspectives, external and internal perspectives, subjects and objects of research, anthropic principle

Меня очень обрадовало ответное эссе моего ученика Игоря Юрьевича Окунева на размышления о возможностях политической, да и всякой науки [Ильин, 2024]. Оказалось, что волновавшие меня вопросы и поиски новых способов преодоления собственного незнания, которыми я когда-то делился с ним, не просто подхвачены, но и получают новое, неожиданное и радующее меня развитие. На полях текста Окунева появилась дюжина пометок. Каждая из них фактически стала приглашением на мой уже отклик в виде вполне полноценной статьи. Написать еще одиннадцать текстов будет, пожалуй, выше моих сил. Приходится выбрать всего лишь одну тему горизонтов познания.

Итак, основное внимание фокусируется на искусстве и науке варьирования рамок исследования и соответствующих изменений горизонтов видения и познания изучаемых феноменов. Все остальные темы эссе И.Ю. Окунева так или иначе, пусть даже и неочевидным образом, связаны с этой проблематикой. Однако пре-

жде, чем обратиться к ней, мне хотелось бы хотя бы вскользь прокомментировать шутку об актуальности, о которой вспомнил мой дорогой ученик.

Парадоксальное замечание о пагубности пресловутой актуальности для исследования связано с тем, что одно и к тому же господствующее ее понимание требует непреложного соответствия результатов исследования доминирующему научным стандартам и истинам, а главное, ожиданиям членов аттестационных комиссий и диссертационных советов. Раз ожидаемо научным и не только научным начальством, значит и актуально. Чтобы быть «актуальным», подстраивайся под общеизвестные образцы лучших научных практик, лови и учитывай господствующие настроения.

Самостоятельные и оригинальные исследования ориентированы на получение нового знания, а не на воспроизведение привычных догматов и затверженных истин. Раз уж мы всерьез взялись выявлять что-то неочевидное и загадочное, пока никем еще не объясненное, то тогда очевидность, ясность и самоуверенность будут только мешать. Неочевидное — это буквально «пока ничими очами еще не увиденное».

На деле мы по привычке смотрим вокруг (описательно) и, увы, реже внутрь себя (методологически) в тех ракурсах и масштабах, которые удобны, привычны и понятны и нам, и окружающим. Иными словами, мы склонны искать потерянные в темноте часы под ярко освещающим округу фонарем. Под этим фонарем нам легко разглядеть вплоть до мельчайших деталей очевидное, т.е. видное отчетливо и «правильно». Такая вот привычная «правильность» подавляющему — буквально подавляющему! — большинству «актуально» открывается здесь и сейчас в ярком свете очевидности. Раз такая «актуальность» определяется большинством, будем считать ее социальной.

Иное восприятие целей и ожидаемых результатов исследований, альтернативные подходы к ним характерны для творчески, изобретательно понимаемой «актуальности». Нужно признать, что рано или поздно находятся люди, готовые отправиться в темноту незнания и невидения. Им приходится искать способы рассеять мрак, «просветить» его и увидеть уже в ином, нередко ими же созданном «свете». В результате нечто доселе неочевидное и незнамое становится понятным и ясным. Подобная удача вполне «актуальна», но уже во втором смысле. Назовем его творческим. Соответствующая «актуальность» связана с адекватностью видения и понимания того, что некогда было темным и непознанным.

Путаницу в использовании термина актуальность можно отчасти объяснить тем, что он похож на английское слово *actuality* скорее по звучанию, чем по смыслу («действительность, фактически происходящее или содеянное»¹⁹). Следовало

¹⁹ Наш мир и его онтология двояки. Выделяется их вещная, материальная сторона, которую именуют реальностью (*reality, Realität*) и деятельная, образуемая не только действиями людей и жизнедеятельностью организмов, но также действующими силами (*agencies*) космогенеза. Она имену-

бы различать, с одной стороны, привычное признание чего-то важным и не вызывающим возражений и, с другой стороны, фактическую действенность и значимость результатов научного исследования, т.е. их адекватного и, как правило, неожиданного использования. Первый и господствующий смысл по-английски куда как адекватнее выражается английским словом *topicality*, а второй — *relevance*.

Добиться актуальности, а по сути, действительной релевантности и научной значимости результатов исследования крайне трудно. Фактически требуется настоящее открытие — пусть даже локальное и ограниченное. А уж существенное и вообще редкость. В этом случае мы имеем дело с моментом истины.

Момент истины

В интеллектуальной среде нередко можно услышать шутку: всякой истине дарован краткий миг торжества между временами, когда она поначалу воспринимается еще как нелепость («с чего бы это?») или в лучшем случае как неудачный парадокс, а затем объявляется банальностью («кто же этого не знает?»). Она известна в разных версиях, но первым «шутником» был, по всей видимости, Артур Шопенгауэр.

В своем введении к первому изданию «Мира как воли и представления» этот основательный и хитроумный философ после серии шуток о том, как читатель мог бы использовать его труд, объяснил его так сказать актуальность и свои ожидания: «Я с глубокой серьезностью посылаю в мир свою книгу — в упованиях, что рано или поздно она дойдет до тех, кому единственно и предназначалась. И я спокойно покоряюсь тому, что и ее в полной мере постигнет та же судьба (das Schicksal), которая в каждом познании(*in jeder Erkenntniß*), и особенно в наиболее важном, всегда уготована истине (*der Wahrheit*). Ей суждено лишь краткое победное торжество (*ein kurzes Siegesfest*) между обеими долгими протяженностями времени (*zwischen den beiden langen Zeiträumen*), когда ее отвергают как парадокс и когда ею пренебрегают как тривиальностью».

Свою мысль Шопенгауэр продолжил, как бы взглянув в зеркало: «И первый удел (обвинение в нелепости — М.И.) обыкновенно разделяет с ней ее зачинатель (*ihren Urheber*). Следом он развернулся к читателям и призвал их действовать заодно: «Однако жизнь коротка, а истина действует далеко и живет долго (*die Wahrheit wirkt ferne und lebt lange*): утвердим же истину (*sagen wir die Wahrheit*)» [Schopenhauer, 1819: XVI].

Как бы мы ни назвали обнаружение небывалого знания тем или иным исследователем или научным коллективом — истиной, научным открытием или ожидаемыми результатами исследования — миг торжества двояк. Это и личная радость

ется *действительность* (*actuality*, *Wirklichkeit*). См. [Ильин, 2002; Ильин, 2005; Ильин, 2010].

первооткрывателя, и трезвое понимание наиболее компетентными коллегами объективной значимости открытия для научного сообщества и огромного числа людей. Чтобы извлечь знание из мрака незнания, где для невежественного наблюдателя оно промелькнет порой неким призраком нелепости, нужно долго работать и смотреть далеко вокруг или внутрь себя самого. Вспомним совет Шопенгауэра — действовать дальше и жить дольше.

Всё было бы хорошо, но уж больно затратно действовать далеко, всё дальше и дальше, а при этом ещё и жить долго, всё дольше и дольше. Причём всё это с высокой степенью риска и без надёжных гарантий на успех. Читатель легко догадается, что разговор переходит к проблеме непризнания («неактуальности» в первом социальном смысле) значимости открытия («актуальности» во втором творческом смысле). И не просто к проблеме, а к возможностям её смягчения, а то и преодоления. Собственно эти возможности уже обозначены в названии эссе — «Расширять и сужать горизонты познания». Исследователь сможет манипулировать с горизонтами своего исследования, используя рамки своего подхода, методологические установки и принципы. Но прежде, чем поговорить об этом конкретнее уместно обратиться к подсказке другого великого ученого — палеонтолога, антрополога и создателя оригинальной, до сих пор значимой и «актуальной» в обоих смыслах концепции космогенеза. Это Пьер Тейяр де Шарден.

Видеть

Пролог к своему «Феномену человека» Тейяр назвал всего одним словом: *Voir* — *Видеть*. В нем много важных афористичных и ёмких мыслей, однако главным достижением стало наглядное объяснение, как погруженные во мрак незнания люди могут добиться просветления и обрести критически важное, «актуальное» видение. Цитата будет длинной, но она стоит того. Даже в переводе она звучит изысканно красиво: «Видеть. Можно сказать, что в этом вся жизнь, если не в ко-нечном счете, то по существу. Существовать полнее — это всё больше объединяться: таково резюме и итог данного произведения. Но, как это будет показано, единство возрастает лишь на основе возрастания сознания, то есть видения (par un accroissement de conscience, c'est-à-dire de révision). ... Прежде всего субъективно, для самих себя, мы неизбежно — центр *перспективы*. В силу неизбежной на первых порах наивности наука прежде воображала, будто бы она может наблюдать явления в себе (*les phénomènes en soi*) такими, какими они протекают независимо от нас. Инстинктивно физики и натуралисты вначале действовали так, как будто их взгляд сверху падает на мир, а их сознание проникает в него, не подвергаясь его воздействию и не изменяя его. Теперь они начинают сознавать, что даже самые объективные их наблюдения целиком пропитаны принятыми ис-

ходными посылками, а также формами или навыками мышления, выработанными в ходе исторического развития научного исследования (*des formes ou habitudes de pensée développées au cours du développement historique de la Recherche*). ... Объект и субъект переплетаются и взаимопреобразуются в акте познания (*Objet et sujet s'épousent et se transforment mutuellement dans l'acte de connaissance*). Вольно-невольно (*Bongré malgré*) человек опять приходит к самому себе и распознает самого себя во всем, что видит (*se retrouve et se regarde lui-même dans tout ce qu'il voit*). Вот неволя, которая, однако, тут же компенсируется определенным и единственным в своем роде величием (*Voilà bien une servitude, mais que compense immédiatement une certaine et unique grandeur*). То, что наблюдатель, куда бы он ни шел, переносит с собой центр проходимой им местности,— это довольно банальное и, можно сказать, независимое от него явление. Но что происходит с прогуливающимся человеком, если риски его движения (*si les hasards de sa course*) приводят в естественно выигрышную точку (*un point naturellement avantageux*) (пересечение дорог или долин), откуда не только взгляды, но и сами вещи расходятся в разные стороны? Тогда субъективная точка зрения совпадает с объективным расположением вещей, и восприятие обретает всю свою полноту (*Alors, le point de voie subjectif se trouvant coïncider avec une distribution objective des choses, la perception s'établit dans sa plénitude*). Местность расшифровывается и озаряется (*Le paysage se déchiffre et s'illumine*). Мы видим (*On voit*)» [Teilhard de Chardin, 1956: 25–28].

Самое главное, однако, как Тейяр завершает свой пролог. Он чеканно формулирует и предназначение человека, и указывает на способ его обретения: «Человек — не статический центр мира, как он долго полагал, а ось и вершина эволюции, что намного прекраснее (*L'Homme, non pas centre statique du Monde, — comme il s'est cru longtemps; mais axe et flèche de l'Évolution, — ce qui est bien plus beau*)» [Teilhard de Chardin, 1956: 30]. Нам с вами дано стать одновременно и центром, и осью, и острием стрелы. Тейяр не раз использует образ взлетающей стрелы, например, называя человека «взлетающей стрелой великого биологического синтеза (*flèche montante de la grande synthèse biologique*)» [Teilhard de Chardin, 1956: 152].

Текст Тейяра де Шардена скорее напоминает вольное эссе или даже проповедь (Тейяр был духовным лицом). Однако в процитированных извлечениях немало важных указаний, которые получат развитие в книге и которые крайне полезны для нашего основного вопроса об искусстве и науке варьирования рамок исследования и соответствующих изменений горизонтов видения и познания изучаемых феноменов.

Вот лишь краткое обобщение: наше предназначение и вызов существовать полнее на основе возрастания сознания, т.е. видения, мы, люди центр перспективы, субъект и объект переплетаются и взаимопреобразуются в акте познания,

человек опять приходит к самому себе и распознает самого себя во всем, что видит, мы переносим с собою центр нашего видения и, добавлю — М.И., горизонты этого нашего видения, преодолевая все риски своего движения (исследования — М.И.) мы совмещаем свой центр с естественно выигрышной точкой, субъективная точка зрения совпадает с объективным расположением вещей, и восприятие обретает всю свою полноту, наибольшая полнота достигается в предельной выигрышной точке — на острье взлетающей стрелы эволюции.

Теперь после этого обобщения мы можем двинуться дальше. Но прежде по-надобится вспомнить о другом немецком философе, с которым яростным спорил Шопенгауэр, об Иммануиле Канте. Подобные споры естественны и продуктивны, поскольку их участники могут быть по-своему правы. И сама действительность, и ее понимание пластичны и изменчивы, многообразны и многослойны. Уверен, что оба согласились бы, что сам познающий разум должен прежде всего критически оценить и исправить сам себя (см. прекрасную статью [Круглов, 2023]). Так что теперь настает время критики собственного разума, которые позволяют выявить ограничения своей исследовательской программы и превратить их в возможности и открывать новые горизонты познания.

Горизонты познания как ограничения и возможности

В нашей работе со своей точкой зрения и с точкой выигрышных конфигураций видения, с прорисовывающимся в результате горизонте видения нам следует не обманывать себя самих. И первый совет или даже требование нам высказывает Кант: «выйти из состояния самому себе винённой незрелости (*aus seiner selbst verschuldeten Unmündigkeit*). Кант сразу же поясняет им самим изобретенное трудное понятие самому себе винённой незрелости: «Эта незрелость является неспособностью пользоваться своим умом без руководства со стороны кого-то другого. Самовинённой является такая незрелость, причина которой в нехватке не разума, а решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. *Sapere aude!* — имей мужество пользоваться собственным умом!». Таким образом, творческие усилия исследователей предполагают решимость найти способы видения и понимания непроясненных проблем. Робость и нерешительность или по Канту самовиненная незрелость препятствуют этому.

Никогда не забуду фразы нашей преподавательницы готского и древнеанглийского Ольги Александровны Смирницкой²⁰: «Для занятия наукой нужна известная

²⁰ Посмотрите хотя бы Википедию, а лучше интервью о том, как Ольга Александровна стала переводчицей «Младшей Эдды» и скальдической поэзии: Смирницкая О.А. Переводчиком я стала по стечению обстоятельств // Norroen.info. [Электронный ресурс]: URL: <https://norroen.info/articles/smirn/interview.html> (дата обращения: 11.06.2025); Ольга Смирницкая: «Любой историко-филологический сюжет — это детектив» // Arzamas.academy. [Электронный ресурс]:

доля наглости». Очень точные слова. Конечно, это была такая же шутка, как и обсуждение актуальности с И.Ю. Окуневым. Сама прекрасный филолог, великолепный германист и скандинавист, дочь выдающегося лингвиста А.И. Смирницкого, буквально выросшая в филологической среде, прекрасно знала и культивировала то самое качество, которое назвала известной долей наглости. Благодаря уточнению известная доля наглость очищалась от грубости и бесцеремонности, но сохраняла дерзость и решимость. К ним, естественно, добавлялся такт и уважительность. Такую комбинацию мы с друзьями усваивали от Ольги Александровны и других наших учителей на филфаке МГУ, где корректная и тактичная «наглость» была нормой научного общения. Правда нынче уже в иной среде с иными нравами мою наглость порой могут воспринять как мегаломанию или что-то похуже. Тут уж, каюсь, мне не хватает аккуратности и дипломатичности, которых мне, видимо, недостаёт, или которые перекрываются порывистостью и запальчивостью.

Как бы то ни было, шокировавший публику своею наглостью кантовский императив «смей мыслить самостоятельно» (*sapere aude se sponte*) дабы преодолеть «самому себе ввинённую незрелость» (*aus seiner selbst verschuldeten Unmündigkeit*) ныне воспринимается уже как вполне допустимое чудачество. Остаются, однако, открытыми вопросы, как это сделать, за счет чего обеспечивается самостоятельность, каковы пределы соответствующих возможностей, как их использовать и развивать. Точно также не вполне ясны опасности и подвохи незрелости, её пределы и, самое главное, способы ввинения. Конечно, какие-то подсказки можно найти у самого Канта, у кантоведов и эпистемологов. В первую очередь это три кантовских критики, а также только намеченная обобщающая критика всего комплекса человеческих способностей и возможностей в виде трансцендентальной антропологии.

Настоятельно требуется, однако, нечто более конкретное, практическое и инструментальное, а именно не просто критика человеческих способностей как таковых, а скорее выявление, моделирование и анализ их внешних и внутренних ограничений, разного рода подвохов и прочих источников искажений и сбоев человеческого творчества. На нынешнем этапе развития науки условно субъектные человеческие способности дополняются условно объектными возможностями (*affordances*)²¹, включая, например, крайне модный и «актуальный», но по боль-

URL: <https://arzamas.academy/mag/1091-smirn?ysclid=mbqdzaxada804675991> (дата обращения: 11.06.2025).

²¹ Полтора-два поколения назад началось поначалу робкое обсуждение возможностей (*affordances*, *Aufforderungen*, *Anbietungen*, etc.) действия и развития, пригодности и эргономичности помимо привычных объективных причин и субъективных способностей [Gibson, 1979; Costall, 1995; Wells, 2002; Withagenet et al., 2012; Rietveld, Kiverstein, 2014, etc.]. Ныне налицо уже революция изучения возможностей в самых разных областях от инженерии и социальных исследований до когнитивистики и компьютерных наук [Blin 2016; Covarrubias, Cabrera, Jiménez, Costall, 2017; Heras-Escribano, De Pinedo-García, 2018; Araújo D. et al., 2019; Heras-Escribano, 2020; Pyysäläinen, 2021; de

шей части однобоко и превратно трактуемый искусственный интеллект (ИИ). Такая, например, ключевая задача как гуманизация ИИ через его последовательную и адекватную доместикацию²², а также ответную и ответственную самодоместикацию людей зачастую ускользает из поля зрения.

Во всяком случае перспективы развития и укоренения критического мышления и самостоятельного творчества предполагают развитие новых гибких комплексов способностей и возможностей людей регулировать горизонты своего познания и деятельности. Опорным моментом прежде всего становится превращение ограничений в средство подобного регулирования. Это предполагает создание прагматических диспозиций центров перспектив субъектов и объектов исследовательских взаимодействий, их динамических разрывов и трансформаций для совмещения исследовательской точки зрения и центра перспективы с естественно выигрышной точкой изучаемого феномена.

Подобного рода работу можно показать следующим незамысловатым и как будто «наивным» образом. Вообразим исследователя, условного «наблюдателя», который стремится увидеть и понять нечто «неочевидное» или скрытое горизонтом познания. Можно напрячь воображение и раздвинуть пространственный или темпоральный горизонты. Сложно, затратно и не слишком надежно. А можно самому переместить свой центр перспективы ближе к некому предпочтительному сектору горизонта. Горизонт раздвинется направленным образом и откроет специально определённые пространственно-временные области наблюдения. Можно сочетать несколько подобных попыток, добавив еще манипуляции в внешними и внутренними горизонтами. Серия подобных манипуляций обернётся многочленным моделированием специально сконструированного и целенаправленно осваиваемого пространства-времени. Если исследовательский вопрос был удачен, замысел продуман и параметры трансформаций отложены в прежде «невидимых» или «затемненных» секторах изучаемого явления модель «высветит» с той или иной точностью и детализированностью то, что было проблематично и представляло исследовательский интерес.

Может создаться впечатление, что обсуждение инструментализации метафоры горизонта — географической в своей основе — подошло или подходит к концу. Всего-то и дел: перемещай место своего положения, двигайся к горизон-

Gregorio G.A. et al., 2022; Hirota, Saigo, Taguchi, 2024, etc.].

22 Феномен доместикации на наших глазах переживает новое понимание, фактически научное открытие. Доместикация уже не сводится к приручению животных или к культивации диких растений, а касается включения живых существ и экосистем в процессы антропоцен. Человек также доместицируется и тем самым стремительно эволюционирует. Происходит интеграция создаваемых людьми месторазвитий с биоценозами разноуровневыми сетями — вплоть до глобальных — естественных и искусственных акторов, переживающих индивидуацию и даже индивидуализацию, обретение личностных характеристик. Это пока только поверхностно регулируемый процесс, остающийся стихийным, противоречивым и крайне опасным.

ту, отдвигай его все дальше и дальше, чтобы преодолеть риски своего движения (*les hasards de sa course*) и достичь естественно выигрышную точку (*un point naturellement avantageux*), где субъективная точка зрения исследователя совпадает с объективными конфигурациями изучаемого феномена.

Казалось бы, всё складывается по Тейяру. Сохраняется вся его образная метафорика, исходно пространственная и даже географическая — вспомним об образе сбегающих в выигрышную точку дорог и долин. Однако даже беглые и поверхностные комментарии этого эссе довольно заметно инструментализируют исходную метафору. Напомню, что горизонты умножаются и трансформируются, разделяются на внешние и внутренние. Эти и другие уточнения подсказаны образным языком Тейяра де Шардена. Он не стесняется придавать метафорические формы своим строго научным построениям. В своём предисловии к «Феномену человека», ещё перед Прологом «Видеть», автор сразу же подчеркивает, что цель его труда «обнаружить между элементами Вселенной не систему онтологических и причинно-следственных связей, а экспериментальный закон повторяемости (*une loi expérimentale de récurrence*), выражаящий их последовательное появление в течение Времени» [Teilhard de Chardin, 1956: 21].

Здесь каждое слово значимо. Вместо абстрактной онтологической системы («вещей») экспериментальный (!) закон, но не сам по себе, а лишь выражающий (!) нечто исходное — появление феномена человека в ходе эволюции (действительные и действенные процессы). Что касается внешних и внутренних горизонтов, то базовыми образами и когнитивными инструментами становятся категории внешнего (*le dehors*) и внутреннего (*le dedans*), радиальной и тангенциальной энергий. Однако самое важное, пожалуй, в том, что привычные и наглядные образные картинки нашей повседневности трансформируются в сложные и трудные для восприятия эволюционные категории. Конечно, и для них тоже Тейяр находит метафорические образы. Напомню о превращении центра наблюдения в острье взлетающей стрелы эволюции.

Горизонты планетные и космические

Главное превращение связано с радикальным изменением логики мышления и об разности видения. Люди обретают их по мере повзросления, накопления успехов в дерзком преодолении самим себе ввинчённой незрелости. Такое повзросление Тейяр связывает с обретением качественно новых способностей: «Что делает и категоризует человека «современным» (*moderne*), — а в этом смысле многие наши современники (*contemporains*) вовсе не современны, — так это способность видеть не только в пространстве, не только во времени, но и в длительности (*la Durée*), — или, что одно и то же, в биологическом пространстве-времени

(l'Espace-Temps biologique); — и более того обнаружить себя неспособным видеть что-либо никак иначе — никак, начиная с самих себя» [Teilhard de Chardin, 1956: 242–243].

Современное или зрелое научное видение таким образом предотвращает возможность увидеть себя и мир в искаженном, упрощенном и статичном виде. Жизнь и история не одномерны. Окружающий мир не плосок и двухмерен. Всеохватная длительность в бесконечной череде поворотов и сворачиваний — вспомните экспериментальный закон рекуррентии — обретает свои меняющиеся пространственно-временные конфигурации. Человек неустанно и бесконечно перемещается следом за меняющимися — расширяющимися или сворачивающимися горизонтами, «оболочками внутри оболочек», чтобы охватить своим видением и пониманием свой мир. Это мир, который свертывается (*un Monde que s'enroule*). Еще один образ и одновременно четкая формулировка. Точно также, как наше собственное видение себя, на острье взлетающей стрелы эволюции становится образным и точным пониманием антропного принципа.

Как же разглядеть мир и себя в условиях пространственно-временной длительности и в мире, который свёртывается? Тут конфигурация привычного плоского мира с единственным центром теряет всякий смысл. Привычные географические карты становятся обманчивыми, а их некритическое использование превратным и порою опасным. Даже знаменитая гравюра Камиля Фламмариона выглядит уже крайне наивной и примитивной даже при том, что именно она стала одной из первых попыток взглянуть наружу из плоского мира и увидеть множество включающих друг друга сферических миров.

В мире, который свертывается, многочисленные центры перспектив образуют взаимные и так же свертывающиеся сети. Точнее, это не фиксированные сетеобразные структуры, а потоки возникающих и тут же трансформирующихся полярностей. Один и тот же тот же объект, одна и та же точка становится то центром, то периферией, то образуют связь с одним партнером, то с другим. Можно сказать, что противопоставление центров и периферий превращается в различие агентов, способных с разными партнерами сыграть роль то центра, то периферии. Центры и периферии как бы растворяются в свёртывающихся сетях центр-периферийной полярности²³.

Соответствующие сети по удачной формулировке Йеспера Хофмайера об-

²³ Идея центр-периферийной полярности стала последним и самым великим открытием Стейна Роккана, увы, так и незавершенным. Участники затяжного им проекта по центр-периферийному моделированию столетнего политического развития Европы (1880–1980) после его смерти так и не смогли довести этот проект до конца. С трудом были собраны, обработаны и опубликованы лишь некоторые начальные материалы исследований [Rokkan et al., 1987], включая программный набросок инициатора проекта [Rokkan, 1987; Роккан, 2006]. К счастью данная концепция не забыта. В отечественной политической науке, например, недавно вышла весьма содержательная и полезная публикация [Захарова, 2025].

разуют многомерные и изменяющиеся «коболочки внутри оболочек» [Hoffmeyer, 1998] не только в биосфере. Именно таким образом через череду свёртываний и разворачиваний происходят процессы эволюции мироздания в целом от галактик и элементарных частиц до живых организмов и социальных образований [Ильин, 2023]. Вообразить и представить подобные пространственно-временные превращения крайне трудно. Это будет что подобное свёртыванию с выворачиванием уже не отдельной ленты Мёбиуса, а сфер, развернутых во времени в подобие изгибающихся и выкручивающихся наизнанку тоннелей. У меня лично для этого фантазии не хватает. Однако они могут математически моделироваться как многообразия (manifolds) в терминах бран различной размерности, предлагаемых М-теорией.

Возможно, со временем ученики наших учеников будут без особых затруднений моделировать географические, политические или geopolитические процессы как скручивающиеся и раскручивающиеся многообразия. Однако для этого нужно основательно потрудиться уже сейчас. Для начала по своему дерзкому выбору отправиться в неизведанное за поисками неочевидного, чтобы там сквозь риски своего движения (*les hasards de sa course*) достичь естественно выигрышной точки (*un point naturellement avantageux*). Потом усложнить задачу, найти связи с другими исследованиями. По пути вспоминать своих учителей, их провоцирующую «наглость» и настойчивую критику и себя, и своих учеников. А может быть вспомнить и шутку об актуальности в первом номере журнала “*Terra Politica*”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Захарова Е.А. Центр-периферийные отношения в электоральных процессах: Франция и Германия. М.: Аспект пресс, 2025. 240 с.
2. Ильин М.В. «Объективность» реальности и «субъективность» действительности. Краткий комментарий к статьям М. Вебера и К. Палонена // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2010. № 1. С. 434–437.
3. Ильин М.В. Между вещами и смыслами: Основания концепт-анализа // Принципы и направления политических исследований. М.: РОССПЭН, 2002. С. 161–183.
4. Ильин М.В. Феномен политического времени // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 5–20.
5. Ильин М.В. Модели свертывания и развертывания во всеобщей эволюции мироздания // МЕТОД: Московский ежеквартальный трудов из обществоведческих дисциплин. 2023. Вып. 13. Т. 3. № 4. С. 174–209. DOI: 10.31249/metod/2023.04.10
6. Ильин М.В. Фундаментальный вызов. Упущены ли возможности политической науки? // Полис. Политические исследования. 2024. № 2. С. 8–24. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.02.02>. EDN: AOJEQK
7. Круглов А.Н. О понятии критики и о критическом методе у Канта // Философия. Журнал высшей школы экономики. 2023. Т. 7. № 2. С. 225–260.
8. Роккан С. Центр-периферийная полярность // Политическая наука. 2006. №. 4. С. 73–101.
9. Araújo D. et al. (2019), The empowering variability of affordances of nature: Why do exercisers feel better after performing the same exercise in natural environments than in indoor environments?, *Psychology of Sport and Exercise*, vol. 42, no. 2, pp. 138–145.
10. Blin F. (2016), The theory of affordances // *Language-learner computer interactions: Theory, methodology and CALL applications*,

- eds. Caws C., Hamel M.-J., Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 41–64.
11. Costall A. (1995), Socializing affordances // *Theory & Psychology*, vol. 5, no. 4, pp. 467–481.
 12. Covarrubias P. et al. (2017), The ecological revolution: The senses considered as perceptual systems, 50 Years Later, part 2, *Ecological Psychology*, vol. 29, no. 3, pp. 161–164.
 13. de Gregorio G.A. et al. (2022), *Affordances y ciencia cognitiva: Introducción, teoría y aplicaciones*, Madrid: Tecnos, 509 p.
 14. Gibson J.J. (1979), *The Ecological Approach to Visual Perception*, Boulder, CO: Taylor & Francis, 346 p.
 15. Heras-Escribano M. (2020), The evolutionary role of affordances: ecological psychology, niche construction, and natural selection, *Biology & Philosophy*, vol. 35, no. 2, pp. 1–27.
 16. Heras-Escribano M., De Pinedo-García M. (2018), Affordances and landscapes: Overcoming the nature–culture dichotomy through niche construction theory, *Frontiers in psychology*, vol. 8, article 2294.
 17. Hirota R., Saigo H., Taguchi S. (2024), Reality of Affordances: A Category-Theoretic Approach, ALIFE 2024: Proceedings of the 2024 Artificial Life Conference, Cambridge, MA: MIT Press, Paper No: isal_a_00805, 71; 10 p.
 18. Hoffmeyer J. (1998), Surfaces inside surfaces. On the origin of agency and life, *Cybernetics* & Human Knowing, vol. 5, no. 1, pp. 33–42.
 19. Pyysäinen J. (2021), Sociocultural affordances and enactment of agency: A transactional view, *Theory & psychology*, vol. 31, no. 4, pp. 491–512.
 20. Rietveld E., Kiverstein J. (2014), A rich landscape of affordances, *Ecological psychology*, vol. 26, no. 4, pp. 325–352.
 21. Rokkan S. et al. (1987a), *Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis*, Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus Verlag, 1987, 483 p.
 22. Rokkan S. The center-periphery polarity (1987b), *Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis*, Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus Verlag, pp. 17–50.
 23. Schopenhauer A. (1819), *Die Welt als Wille und Vorstellung*, Erster Band, Leipzig: Brockhaus, XVI S. + 725 p.
 24. Teilhard de Chardin P. (1956), *Le Phénomène Humain*, Paris: Éditions du Seuil, 348 p.
 25. Wells A.J. (2002), Gibson's affordances and Turing's theory of computation, *Ecological psychology*, vol. 14, no. 3, pp. 140–180.
 26. Withagen R. et al. (2012), Affordances can invite behavior: Reconsidering the relationship between affordances and agency, *New ideas in psychology*, vol. 30, no. 2, pp. 250–258.

REFERENCES:

1. Araújo D. et al. (2019), The empowering variability of affordances of nature: Why do exercisers feel better after performing the same exercise in natural environments than in indoor environments?, *Psychology of Sport and Exercise*, vol. 42, no. 2, pp. 138–145.
2. Blin F. (2016), The theory of affordances // Language-learner computer interactions: Theory, methodology and CALL applications, eds. Caws C., Hamel M.-J., Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 41–64.
3. Costall A. (1995), Socializing affordances // *Theory & Psychology*, vol. 5, no. 4, pp. 467–481.
4. Covarrubias P. et al. (2017), The ecological revolution: The senses considered as perceptual systems, 50 Years Later, part 2, *Ecological Psychology*, vol. 29, no. 3, pp. 161–164.
5. de Gregorio G.A. et al. (2022), *Affordances y ciencia cognitiva: Introducción, teoría y aplicaciones*, Madrid: Tecnos, 509 p.
6. Gibson J.J. (1979), *The Ecological Approach to Visual Perception*, Boulder, CO: Taylor & Francis, 346 p.
7. Heras-Escribano M. (2020), The evolutionary role of affordances: ecological psychology, niche construction, and natural selection, *Biology & Philosophy*, vol. 35, no. 2, pp. 1–27.

8. Heras-Escribano M., De Pinedo-García M. (2018), Affordances and landscapes: Overcoming the nature–culture dichotomy through niche construction theory, *Frontiers in psychology*, vol. 8, article 2294.
9. Hirota R., Saigo H., Taguchi S. (2024), Reality of Affordances: A Category-Theoretic Approach, *ALIFE 2024: Proceedings of the 2024 Artificial Life Conference*, Cambridge, MA: MIT Press, Paper No: isal_a_00805, 71; 10 p.
10. Hoffmeyer J. (1998), Surfaces inside surfaces. On the origin of agency and life, *Cybernetics & Human Knowing*, vol. 5, no. 1, pp. 33–42.
11. Ilyin M.V. (2002), Between things and meanings: Foundations of concept analysis, *Principles and directions of political research*, Moscow: ROSSPEN, pp. 161–183. (In Russ.).
12. Ilyin M.V. (2024), Fundamental Challenge. Are the Opportunities of Political Science Missed?, *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 8–24. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.02.02>. EDN: AOJEQK (In Russ.).
13. Ilyin M.V. (2023), Models of folding and unfolding in the general evolution of the universe, *METHOD: Moscow quarterly of works from social science disciplines*, iss. 13, vol. 3, no. 4, pp. 174–209. DOI: [10.31249/metod/2023.04.10](https://doi.org/10.31249/metod/2023.04.10) (In Russ.).
14. Ilyin M.V. (2010), “Objectivity” of reality and “subjectivity” of reality. Brief commentary on the articles by M. Weber and K. Palonen, *METHOD: Moscow yearbook of works from social science disciplines*, no. 1, pp. 434–437. (In Russ.).
15. Ilyin M.V. (2005), Phenomenon of political time, *Polis. Political studies*, no. 3, pp. 5–20. (In Russ.).
16. Kruglov A.N. (2023), On the concept of criticism and the critical method in Kant,
- Philosophy. *Journal of the Higher School of Economics*, vol. 7, no. 2, pp. 225–260. (In Russ.).
17. Pyysäinen J. (2021), Sociocultural affordances and enactment of agency: A transactional view, *Theory & psychology*, vol. 31, no. 4, pp. 491–512.
18. Rietveld E., Kiverstein J. (2014), A rich landscape of affordances, *Ecological psychology*, vol. 26, no. 4, pp. 325–352.
19. Rokkan S. et al. (1987a), *Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis*, Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus Verlag, 1987, 483 p.
20. Rokkan S. (1987b), The center-periphery polarity, *Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis*, Frankfurt a. M.; NY.: Campus Verlag, pp. 17–50.
21. Rokkan S. (2006), The center-periphery polarity, *Political Science (RU)*, no. 4, pp. 73–101. (In Russ.).
22. Schopenhauer A. (1819), *Die Welt als Wille und Vorstellung*, Erster Band, Leipzig: Brockhaus, XVI S. + 725 p.
23. Teilhard de Chardin P. (1956), *Le Phénomène Humain*, Paris: Éditions du Seuil, 348 p.
24. Wells A.J. (2002), Gibson's affordances and Turing's theory of computation, *Ecological psychology*, vol. 14, no. 3, pp. 140–180.
25. Withagen R. et al. (2012), Affordances can invite behavior: Reconsidering the relationship between affordances and agency, *New ideas in psychology*, vol. 30, no. 2, pp. 250–258.
26. Zakharova E.A. (2025), *Center-periphery relations in electoral processes: France and Germany*. Moscow: Aspect press, 240 p. (In Russ.).

A

D

H

O

Ad hoc (*лат.* «к этому») —
«для данного случая», «специально для этого»



terra politica